платил ей по 50 червонных за каждую ночь. В Гишпании оная называется первая гишпанская б..... Что ж донес об ней брат ей вашему величеству, что [*л. 7*] постояннаго и честнаго жития, и то оболгал". И король, оныя слова выслушав, того ж момента приказал камор-юнкера Карла арестовать и поставить караул, чтобы неисходно было. И дежурный[1] генерал-маэор шпагу[2] взял и поставил караул — гварди[и] сержанта и 12 человек рядовых, с таким паролем, чтобы ко оному камор-[юнкеру] никого не допускать, кроме того как кушанье принесут, и то принимать салдатам.

И камор-юнкер Карл стал себе разсуждать: „За что такой строгой арест получил, не знаю себе [*л. 7 об.*] вины никакой". И спустя дня с три, стал просить караульнаго сержанта, чтобы послал за дежурным маэором, которой пожаловал пришел за некоторою нуждою. Тогда сержант послал салдата к господину маэору о сем донести, и дежур-маэор, не мало не мешкав, к камору-юнкеру и пришел. И камор-юнкер начал просить: „Покорно вас, моего государя, прошу, пожалуй, донеси его королевскому величеству о мне, бедном. Уже дни три под арестом держусь, а за какую вину, — то мне не объявлено". И оной, выслушавши, маэор пошел прямо к королю и стал доносить о сем. И король оному маэору приказал камор-юнкера пред себя привесть.

А как привели, то король [*л. 8*] грозно заговорил: „Скажи, пожалуй, чего ради ты, плут, наше величество обманываешь и про сестру свою ты, бездельник, насказал, что жития чеснаго, а она совершенная гишпанская б. . . ., о которой я подлинно чрез фельдмаршала своего уведомился, с которым она, скаредная, в Гишпании жила больше трех лет, как с мужем. А ты такую мерскую мне в жену выхваляешь". На что камор-юнкер ответствовал: „Милостивый государь мой! Подлинно вашему величеству доношу,[3] что за сестрою за моею никакова худа и б. . . . не слыхал и не знаю. К тому же, ваше величество, покорне прошу представить того фельдмаршала зде, чтобы о сестре моей донес при мне, каким образом он [*л. 8 об.*] с сестрою моею жил и знает ли какия нибуть приметы на теле сестры моея, и ежели какую примету покажет, то виновен [я] смерти". И король тогож дежур-маэора послал за фельдмаршалом, чтобы был во дворец немедля, а камор-юнкера велел в особую полату вывесть.

Фельдмаршал во дворец приехал, пред короля пришед, поклонился, а король приказал камор-юнкера из другой полаты вывесть тут же, где и сам изволил присудствовать, и сказал: „Ну, господин фельдмаршал, говори ныне прямо с камор-юнкером, как ты жил с ней и сколько времени?". Фельдмаршал стал говорить камор-юнкеру, что „как-де я был в Гишпании на резиденции [*л. 9*] и жил с твоею с сестрою года три, как з женою". На что камор-юнкер отвечал: „Изрядно! Когда жил, знаешь ли ты на теле какия приметныя пятна или знак какой? Скажи, пожалуй". А фельдмаршал сказал: „За многопрошедшим[4] временем не могу помнить, а есть у меня и описание тела ея, токмо в старых письмах, в архиве, и в скором времени сыскать нельзя".

И камор-юнкер, подшед к королю, просил: „Милостивый государь мой! Прикажи оному фельдмаршалу такую опись сыскать, хотя сроком ваше величество повелит, а со мною показать хоть [*л. 9 об.*] такую милость, чтобы за караулом исходну быть с квартеры". И король

---

[1] *В рукописи* дежурнаго.
[2] *В рукописи* и шпагу.
[3] *В рукописи* доношо.
[4] *В рукописи* многопрешедшим.